

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Недялков 1983 – Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Brody 1987 – Brody J. Particles in Tojolabal Mayan discourse. *Kansas working papers in linguistics*. 1987. Vol. 12.
- Dahl 1985 – Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- England 2009 – England N. To tell a tale: The structure of narrated stories in Mam, a Mayan language. *International journal of American linguistics*. 2009. Vol. 75. No. 2.

Сведения об авторе:

Игорь Андреевич Виноградов
Институт языкознания РАН
igor.vinogradov@iling-ran.ru

- Haviland 1981 – Haviland J.B. *Sk'op Sotz'leb – el tzotzil de San Lorenzo Zinacantan*. México, 1981.
- Laughlin 1975 – Laughlin R.M. *The great Tzotzil dictionary of San Lorenzo Zinacantan*. Washington, 1975.
- Maxwell 1987 – Maxwell J. Some aspects of Chuj discourse. *Anthropological linguistics*. 1987. Vol. 29. No. 4.
- Polian 2006 – Polian G. *Éléments de grammaire du tseltal, une langue maya du Mexique*. Paris, 2006.
- Zavala 2010 – Zavala Maldonado R. El estado de la lingüística en Chiapas y Guatemala. *La antropología en Centroamérica: Reflexiones y perspectivas*. G. Ascencio Franco (ed.). México, 2010.

И.А. Виноградов

Information about the author:

Igor' A. Vinogradov
Institute of linguistics (RAS)
igor.vinogradov@iling-ran.ru
Moscow / Russia

А.Л. Жовтис. Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013. 392 с.; 8 вклеек.

В прошлом году исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского филолога Александра Лазаревича Жовтиса (1923–1999), большую часть жизни прожившего в Алматы, создавшего и воспитавшего в тогдашней столице Казахстана многочисленную когорту талантливых стиховедов. В ознаменование этой даты и в память о своем учителе и наставнике С.Д. Абишева и З.Н. Поляк издали наиболее значительные его работы, присвоив сборнику скромное, хотя и вполне адекватное наименование – «Избранные статьи».

Отобрать из сотен публикаций ученого – публицистических, историко-литературных, стиховедческих, поэтических, переводных и пр. – самые важные, репрезентативные, прямо скажем, задача не из легких. С.Д. Абишевой и З.Н. Поляк это удалось. 28 отобранных ими статей не только отражают многогранные научные интересы Александра Лазаревича в их пропорциональном соотношении, но и дают объективное представление об исключительно весомом вкладе ученого в отечественную филологию. Конечно, главным делом его жизни было стиховедение, в частности такие ключевые проблемы стиховедческой науки, как: 1) проблема верлибра; 2) проблема специфики стихотворной речи и ее пограничных модифи-

каций; 3) проблемы русской рифмы; 4) проблемы стихотворных идиостилей и 5) проблемы, связанные со стихотворным переводом. Все они соразмерно представлены в «Избранных статьях».

А.Л. Жовтис был одним из инициаторов теоретического осмысления пограничной формы стихотворной речи – верлибра, которое не заставило себя ждать в период так называемой «оттепели», когда «формализм» в литературоведении перестал подвергаться резкому осуждению. В 1966 г. в «Вопросах литературы» появилась его статья «Границы свободного стиха», в которой был поставлен вопрос о версификационной сущности поэтической формы, обозначенной в высшей степени парадоксальным термином, столь же противоречивым, по меткому замечанию Г.К. Честертона, как и «свободная любовь»: если свободен, то уже не стих, если стих, то уже не свободен...

До Жовтиса верлибр трактовался довольно-таки произвольно. А.П. Квятковский, к примеру, огульно относил к нему «все, что не традиционный стих и не традиционная проза», поэтому наряду со «Словом о полку Игореве», «классическим примером русской полиметрии и свободного стиха», и некоторыми произведениями ранней виршевой поэзии, русскими

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Недялков 1983 – Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Плунгян 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Brody 1987 – Brody J. Particles in Tojolabal Mayan discourse. *Kansas working papers in linguistics*. 1987. Vol. 12.
- Dahl 1985 – Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, 1985.
- England 2009 – England N. To tell a tale: The structure of narrated stories in Mam, a Mayan language. *International journal of American linguistics*. 2009. Vol. 75. No. 2.

- Haviland 1981 – Haviland J.B. *Sk'op Sotz'leb – el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán*. México, 1981.
- Laughlin 1975 – Laughlin R.M. *The great Tzotzil dictionary of San Lorenzo Zinacantán*. Washington, 1975.
- Maxwell 1987 – Maxwell J. Some aspects of Chuj discourse. *Anthropological linguistics*. 1987. Vol. 29. No. 4.
- Polian 2006 – Polian G. *Éléments de grammaire du tseltal, une langue maya du Mexique*. Paris, 2006.
- Zavala 2010 – Zavala Maldonado R. El estado de la lingüística en Chiapas y Guatemala. *La antropología en Centroamérica: Reflexiones y perspectivas*. G. Ascencio Franco (ed.). México, 2010.

И.А. Виноградов

Сведения об авторе:

Игорь Андреевич Виноградов
Институт языкознания РАН
igor.vinogradov@iling-ran.ru

Information about the author:

Igor' A. Vinogradov
Institute of linguistics (RAS)
igor.vinogradov@iling-ran.ru
Moscow / Russia

А.Л. Жовтис. Избранные статьи / Сост. С.Д. Абишева, З.Н. Поляк. Алматы: б.и., 2013. 392 с.; 8 вклеек.

В прошлом году исполнилось 90 лет со дня рождения замечательного русского филолога Александра Лазаревича Жовтиса (1923–1999), большую часть жизни прожившего в Алматы, создавшего и воспитавшего в тогдашней столице Казахстана многочисленную когорту талантливых стиховедов. В ознаменование этой даты и в память о своем учителе и наставнике С.Д. Абишева и З.Н. Поляк издали наиболее значительные его работы, присвоив сборнику скромное, хотя и вполне адекватное наименование – «Избранные статьи».

Отобрать из сотен публикаций ученого – публицистических, историко-литературных, стиховедческих, поэтических, переводных и пр. – самые важные, репрезентативные, прямо скажем, задача не из легких. С.Д. Абишевой и З.Н. Поляк это удалось. 28 отобранных ими статей не только отражают многогранные научные интересы Александра Лазаревича в их пропорциональном соотношении, но и дают объективное представление об исключительно весомом вкладе ученого в отечественную филологию. Конечно, главным делом его жизни было стиховедение, в частности такие ключевые проблемы стиховедческой науки, как: 1) проблема верлибра; 2) проблема специфики стихотворной речи и ее пограничных модифи-

каций; 3) проблемы русской рифмы; 4) проблемы стихотворных идиостилей и 5) проблемы, связанные со стихотворным переводом. Все они соразмерно представлены в «Избранных статьях».

А.Л. Жовтис был одним из инициаторов теоретического осмысления пограничной формы стихотворной речи – верлибра, которое не заставило себя ждать в период так называемой «оттепели», когда «формализм» в литературоведении перестал подвергаться резкому осуждению. В 1966 г. в «Вопросах литературы» появилась его статья «Границы свободного стиха», в которой был поставлен вопрос о версификационной сущности поэтической формы, обозначенной в высшей степени парадоксальным термином, столь же противоречивым, по меткому замечанию Г.К. Честертона, как и «свободная любовь»: если свободен, то уже не стих, если стих, то уже не свободен...

До Жовтиса верлибр трактовался довольно-таки произвольно. А.П. Квятковский, к примеру, огульно относил к нему «все, что не традиционный стих и не традиционная проза», поэтому наряду со «Словом о полку Игореве», «классическим примером русской полиметрии и свободного стиха», и некоторыми произведениями ранней виршевой поэзии, русскими

былинами и лирическими стихопеснями в него попадали «Песни западных славян», переводы Брюсова из Верхарна и вольный ямб «Горя от ума» как «ямбовидная <...> формация верлибра» [Квятковский 1963: 67–72]. Гораздо строже, но также весьма расплывчатым было определение свободного стиха в «Кратком словаре литературоведческих терминов» Л.И. Тимофеева и Н.П. Венгрова: «стих, в котором произвольно количество ударных и безударных слогов; не обязательно одинаковое число ударений в стихотворных строках; нет повторяющихся единообразных строф; может не быть и рифмы. В его основе лежит однородная синтаксическая организация, определяющая однородную интонацию, с которой произносятся каждую из стихотворных строк-фраз свободного стиха. Эта повторяющаяся интонация, выраженная в схожем построении фразы, и определяет свободный ритм стихотворения» [Тимофеев, Венгров 1963: 137]. Наконец, болгарский теоретик М. Янакиев вовсе выводил верлибр за пределы стиха, уравнивая его с прозой, которая как бы «притворяется стихами» [Янакиев 1960: 9].

Жовтис пошел иным путем. Не ограничиваясь отрицательными признаками (нет метра, нет рифмы, нет равносложности и равноударности), он постарался выявить признаки позитивные. Таковыми оказались стиховая заданность, установка¹ на стиховность, которая реализуется графической сегментацией текста и системой межстиховых пауз. «Vers libre сохраняет верность стиху и является стихом, а не прозой, потому что в нем обнаруживается корреспондирование рядов, графически выделенных авторской установкой на стих. <...> Свободный стих строится на повторении сменяющих одна другую фонетических сущностей разных уровней, причем компонентами повтора в параллельных, корреспондирующих рядах в русской поэзии могут быть фонема, слог, стопа, ударение, клаузула, слово, группа слов и фраза (курсив Жовтиса. – О. Ф.). Наличие или отсутствие установки на корреспондирование должно служить основанием для отнесения произведения либо к стихам, либо к прозе» (с. 30).

Мельком касается исследователь и родословной отечественного свободного стиха. Вопреки общепринятому мнению, согласно которому верлибр русской поэзии несвойствен в принципе, а потому «русскому исследователю незачем вторгаться в чужую область

¹ Понятие установки применительно к стиху Жовтис воспринял и соответствующим образом развил, обратившись к категориям, которыми оперируют психологи [Узнадзе 1961а; 1961б; Прангшвили 1967].

верлибризма» [Квятковский 1963: 76], Жовтис настаивает на том, что даже переводные верлибры строятся на просодии русского языка, а некоторые памятники древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», «Житие Стефана Пермского», «Моление Даниила Заточника» и произведения эпохи Смуты) содержат фрагменты, в которых угадывается «мерность несомненно стихотворной речи». Правда, сознавая, очевидно, некоторую нарочитость поиска столь глубоких корней русского верлибра, он тут же оговаривается: «<...> в тех случаях, когда стих графически не выделен, при определении природы того или иного текста его членение на ряды остается в какой-то мере гипотетичным, да и принцип подхода к особенностям формы оказывается здесь несколько иным» (с. 33). В дальнейшем, когда Д.С. Лихачев указал на то, что не все современные теоретические категории мы можем применять к литературным текстам средневековья, поскольку они должны быть «исторически возможными», а М.Л. Гаспаров и автор этой рецензии пришли к выводу, что сама оппозиция «стих–проза» для древнерусского человека не была актуальной [Гаспаров 1973; 1985; Федотов 1981], истоки отечественного верлибра стали искать не глубже, чем в середине XIX в.

Опираясь на известное положение Е.Д. Поливанова: «<...> в основе любой системы стиха лежат фонетические повторы различного порядка» [Поливанов 1963: 99], Жовтис различает три типа свободного стиха: 1) *проза-стих*, в котором фонетические единицы повтора лишь намечены, но через все стихотворение не проходят; 2) *верлибр «правильный»*, в котором имеются разные фонетические средства повтора, но ни одно не преобладает; 3) *«неправильный» верлибр*, в котором одно из средств повтора преобладает над всеми другими. С обеих сторон эти три типа граничат со стихотворениями в прозе, дисметрическими (начальный отрывок из «Страшной мести» Гоголя) и метризованными («Песня о Буревестнике» Горького), а также со стихом определившейся системы (раешники, акцентный стих, все формы метрического стиха) (с. 34–36).

Забрезжившие перспективы верлибризации отечественного стиха побуждали не останавливаться, а продолжать столь успешно начатые разработки. В 1970 г. и чуть позже, в 1976 г., появилось еще несколько статей о критериях типологической характеристики свободного стиха, о свободном стихе Фета, о немецких свободных ритмах (*freie Rhythmen*) в ранних русских интерпретациях, об истоках русского верлибра (а именно о стихе «Северного моря» Гейне в переводах М.Л. Михайлова) и, наконец, о верлибрах Блока, обогативших жовтисовскую

концепцию верлибра как в теоретическом, так и в историческом отношении. Подробнейший обзор иностранных работ по верлибристике приводит к выводу, что верлибр следует рассматривать «не как автономную, замкнутую систему и не только как переходную, пограничную форму», а как «результат отрицания предшествующего развития» стиховой культуры, как «своего рода “метрический взрыв”» (с. 120). В этом смысле он, в подтверждение идей Ю.М. Лотмана, есть система минус-приемов, а не простое их отсутствие, так сказать, с нулевым знаком. Структурные же совпадения переводных и оригинальных текстов в русской поэзии XIX в. существенно уточняют истоки и происхождение отечественного свободного стиха, предысторию которого составляют переводы Жуковского, Огарева и Струговшикова из Гете, начальный этап собственно истории – разработка и канонизация русского верлибра в переводах «Северного моря» Михайловым (1859), а завершение процесса и его окончательное укоренение в России – цикл оригинальных свободных стихов Блока [Кормилов 1989].

Концепция свободного стиха, выдвинутая Жовтисом, до сих пор остается одной из самых влиятельных и фундаментальных. Ее не смогли опровергнуть ни последовательно осваивающая «вольный белый стих» концепция В.С. Баевского [Баевский 1972], ни экстравагантная идея Яака Пылдымаз, предложившего описание свободного стиха как соблюдения всех способов урегулирования, только со знаком минус [Пылдымаз 1970], ни в целом солидарные с ней, но устраняющие некоторые ее недочеты работы М.Л. Гаспарова [Гаспаров 1974: 29–31; 1980: 389²] и Ю.Б. Орлицкого [Орлицкий 1982; 2002].

Определив «границы свободного стиха», Жовтис публикует целую серию статей, описывающих стихотворную графику, которая собственно и служит зримым показателем структурной принадлежности текста («В рассыпанном строю... Графика современного русского стиха»), необычные для классической русской поэзии формы строфики и рифмовки («И рубай, и рединая рифма... К проблеме взаимообогащения национальных литератур», «О способах рифмования в русской поэзии. К проблеме структурных связей в современном стихе», «Эффект “рифменного ожидания” в современном стихе», «Опорный согласный в рифме. Несколько сопоставлений из истории русского и английского стиха», «Русская рифма 1960–1970-х годов. Заметки и

размышления» и, наконец, «Рифмокомпонент *мати* (“мать”) и его современный контекст в украинской песне»).

Оказывается, знаменитая «лесенка» Маяковского эпизодически культивировалась задолго до 1922 г. В элементарном виде стихи членились на графически обособленные полустихия в говорной разновидности русского классического стиха: у Пушкина в «Медном всаднике» (13 раз), «Вновь я посетил...» (3 раза), «Графе Нулине», «Полтаве», «Бахчисарайском фонтане», «Евгении Онегине», «Родословной моего героя», «Анджело», «Послании Дельвигу», у Лермонтова в его поэмах «Мцыри», «Преступник», «Кавказский пленник», у Некрасова в «Несчастных», «О погоде», «Балете» и в авторском монологе из поэмы «Преступник», а также у следующего в русле этой традиции Блока в «Возмездии» и в стихотворениях «О смерти» и «Над озером» в составе цикла «Вольные мысли» (с. 40, 42).

Аналогичные опыты сатириконецев, по мнению исследователя, скорее всего, не оказали заметного влияния на Маяковского в отличие от стихотворного сборника А. Белого «После разлуки» (1922), в предисловии к которому его автор высказал мысль о том, что недостаточность знаков препинания диктует поэтам стремление «искать интонации в своеобразной манере начертания, передающей зрительно интонацию» [Белый 1966: 548]. В принципе к этому же шел и сам Маяковский, много и эффективно экспериментировавший с членением стиха на более мелкие сегменты и располагавший их до поры до времени «столбиком» (например, «Послушайте!»). Однако такое выравнивание рифмованных и нерифмованных графических строк скрадывало столь ценный поэтом рифменный эффект. Сигнал, полученный от А. Белого, был услышан Маяковским и осмыслен как универсальный конструктивный принцип его стиха. «Дальнейшее после Маяковского развитие русского стиха, – приходит к заключению Жовтис, – показывает неисчерпаемость выразительной роли его творческого приема» (с. 50), что и демонстрируется на примерах графических идиостилей Андрея Вознесенского, Леонида Мартынова, Владимира Луговского и других русских поэтов XX в.

Наличие и довольно широкое распространение в современном русском стихе специфически восточной строфической формы рубай и связанной с ней рединой рифмы Жовтис как знаток стиховой культуры Ближнего и Дальнего Востока, много и успешно переводивший на русский язык казахских и корейских поэтов, связывал с интенсивным взаимодействием разных национальных культур. Пусть, утверждал он, «появление рубай и редины в русских сти-

² «<...> стих без метра и рифмы, отличающийся от прозы только членением на строки».

хах – всего лишь частный, побочный результат процесса взаимовлияний и взаимопроникновений в советской поэзии. Но это несомненно *результат межнационального литературного общения* – и в названном своем качестве он заслуживает внимания и изучения» (с. 78).

Наблюдения Жовтиса над современной рифмой, над разнообразными способами рифмования ценны прежде всего тем, что он не рассматривает их изолированно, но связывает со всем оркестром стихотворной формы: с графикой (лесенкой, столбиком), метрическим многообразием, ритмической системой на всех уровнях регулярных и окказиональных повторов, с местом в строфе, в звуковом поле отдельного стиха и текста в целом. Вот почему для него рифма «единственный вид звукового повтора, ощущающийся читателем как “целиком обязательный для данного стихотворного произведения” [Ковалевский 1965: 15], перестает быть сама собой. И это находится в прямой связи с верлибристскими тенденциями поэзии XX в. Новые приемы, бесспорно, не отменяют прежних, но свобода выбора существенно увеличивается» (с. 94). «Эффект рифменного ожидания», которому исследователь придает особо важное значение, в поэтике Вознесенского и Мартынова существенно видоизменяется. Рифма поэтому ни у того, ни у другого не стала факультативным приемом, как в верлибре, но «канонические способы рифмования у них отличаются факультативностью при одновременном повышении ритмообразующей роли звуковых повторов других уровней. В конечном счете расширяются возможности создания нового содержания за счет новых вертикальных и горизонтальных связей в стихе» (с. 104).

Столь же существенным, как и в проблеме верлибра, можно считать вклад Жовтиса в базисный вопрос о специфике стихотворной речи. Теоретик развивает свою концептуальную идею о том, что наше прочтение текста вслух или про себя всегда есть реализация определенного отношения к тексту, декламационная интерпретация воспринятого. Она опирается на известную установку. Ведь если передо мною текст, графически представленный как стихи, я сразу же начинаю исполнять его «как стихи», т. е. фиксируя концевые паузы и подчеркивая внутреннюю организацию строк («Стихи, которые читаешь...», с. 287). В статье «Стих как двумерная речь» исследователь высказал весьма плодотворную мысль о том, что «в двуедином процессе чтения (по горизонтали и сверху вниз) в наше сознание внедряется смысл строфы (как “прозы”) и, одновременно, происходит интеграция содержательных компонентов, накапливающихся в развертывании произведения по вертикали» (с. 304–305).

В другой, не менее важной статье «К вопросу о границе между стихом и прозой» теория установок Д.Н. Узнадзе распространяется не только на верлибр, но вообще на специфические отличия стиха от прозы: при установке на стих «мы априорно воспринимаем стиховые ряды как ритмические единицы в противовес прозе» и «интуитивно ищем в этих симметричных или параллельных рядах компоненты повтора», «реализуем заложенную в текст интонацию так, как мы этого никогда не сделаем при чтении прозы <...>» (с. 339).

Особое внимание ученых уделял ритмической организации фольклорных текстов, быть может, несколько преувеличивая их потенциальную стиховность, а также стихотворным идиостилиям Маяковского, Вознесенского, Винокурова и Мартынова.

Многообразие факультативных признаков стиха Жовтис склонен усматривать в таких жанрах говорного фольклора, как загадки и пословицы. Безусловно, самым ярким и демонстративным фактором стиховой делимитации фольклорного стиха он считает рифму, но, признавая ее нерегулярность, полагает, что этот элемент стиховности как в загадках, так и в пословицах нередко заменяется или поддерживается грамматическим и интонационно-синтаксическим параллелизмом, диалогичностью высказывания и т. п. Речь поэтому должна идти не об «эмбриональном стихе» (такое определение кажется ему подчеркивающим «как бы неполноценность этого стиха»), а о «стихе неоднородном, сопоставимом со стихом современного верлибра, с его системностью, в которой средства связывания рядов используются для данного произведения или куска текста как бы на выбор» (с. 333).

Конечно, своеобразная логика в таком рассуждении есть, но что тогда мешает первую фразу «Слова о полку Игореве» «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братис...» интерпретировать как 4-стопный ямб, а все произведение в целом – как верлибр (т. е. согласиться с А.П. Квятковским)? Ответ очевиден: такой подход страдает антиисторизмом. Оппозиция «стих–проза» ни в древнерусской литературе, ни в первородном фольклоре не была актуальной, поскольку в сознании древнерусского человека не было самого главного – представления о стихе, внятных правил его написания и привычки к восприятию соответствующих структур (установки на стих). К тому же само обрусевшее греческое слово *стих* употреблялось в значении законченной по смыслу фразы, а исконное версификологическое значение стихового ряда обрело, лишь встретившись на рубеже XVI–XVII вв. со своим латинизированным родственником: *versus* – *vers* – *wiersz* – *вирш*(а). Равным об-

разом звуко-смысловая игра слов, обильно присутствующая в разговорных жанрах устного народного творчества, не могла считаться ни рифмой, ни краесогласием до тех пор, пока не обрела регулярности, а следовательно, предсказуемости.

Проблема версификационных идиостилей заинтересовала Жовтиса после выхода известной серии сборников «Теория литературных стилей» (1976–1982 гг.). Теоретической преамбулой к их изучению явилась статья «Проблема стихотворного стиля и авторская индивидуальность». Вопрос о стихотворном стиле увязывается в ней с вопросом «о способах организации целостного единства, в котором функционируют разнообразные компоненты, дающие неповторимые сочетания, интегрирующие на уровне стиха и коррелирующие с нестихотворными компонентами по законам, для нас еще во многом неясным» (с. 347). Попыткой описать стилевые инварианты наиболее близких ему по духу поэтов как представителей интересующих его направлений стал еще один, чрезвычайно ценный своими конкретными наблюдениями цикл статей «К характеристике “некрасовского голоса”», «Освобожденный стих Маяковского», «Владимир Маяковский и стих XX века» и «Стих Леонида Мартынова в контексте русской стихотворной культуры».

«Некрасовский голос», явственно различимый в русской стиховой культуре, характеризуется, по мнению Жовтиса, не только значительным увеличением доли трехсложников в метрическом репертуаре поэта, но и совершенно отчетливой интонационной тенденцией или, если использовать термин О.М. Брига, «ритмической семантикой», которая выражается: 1) лого-ритмическим подчеркиванием первого такта строки в трехстопных метрах (*Надрывается сердце от муки*), 2) использованием дактилической формы в виде прилагательного в инверсионном сочетании (*...рожь высокая, насыпи узкие...*), 3) трехчастным перечислением, занимающим целую строку (*Барабанов, цепей, топора*), 4) скоплением стихов, эквивалентных по нескольким параметрам (*Некому бабью работу на разум наставить, / Некому бабью работу направить...*) (с. 232–233).

В отличие от свободного стиха в собственном смысле, стих Маяковского Жовтис называет «освобожденным». Основную закономерность версификационной системы поэта он видит не в том или ином метре или даже смене метров, а в принципе свободного сочетания стиховых конструкций, в демонстративной свободе использования приемов, средств, форм. Поэтому «система Маяковского не столько исторически, сколько с точки зрения основных принципов ее организации должна быть поставлена между

формами метрического стиха (любими – как силлабо-тоническими, так и акцентными) и свободным стихом» (с. 220) и изучаться по возможности в контексте отечественной, европейской или даже мировой версификации. Величие его как революционера формы состоит «не в “открытии” ударника или неточной рифмы», а в «поисках новых возможностей сочетания симметричных и асимметричных построений, стиха однородного и неоднородного» (с. 302).

Главные свои стиховедческие работы Александр Лазаревич написал, воодушевленный духом раскрепощения, политической свободы 60-х годов, краткой «оттепельной» передышкой перед эпохой брежневского застоя. Потому, быть может, и выбрал преимущественным предметом своего исследования свободный стих и свободную в выборе стратегию как поэтического, так и научного творчества. Многие из его идей не утратили актуальности до сих пор. Публикация его «Избранных статей», снабженных к тому же «Библиографическим указателем основных трудов», сохранит и ретранслирует его неповторимый голос в слаженном хоре замечательных русских стиховедов XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баевский 1972 – Баевский В.С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972.
- Белый 1966 – Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966.
- Гаспаров 1973 – Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих-проза» и становление русского литературного стиха // *Semiotyka i struktura tekstu: Studia poświęcone VII Międzynarodowemu Kongresowi Sławistów*. Wrocław, 1973.
- Гаспаров 1974 – Гаспаров М.Л. Современный русский стих. М., 1974.
- Гаспаров 1980 – Гаспаров М.Л. Примечания // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
- Гаспаров 1985 – Гаспаров М.Л. Оппозиция «стих-проза» и становление русского литературного стиха // *Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития*. М., 1985.
- Квятковский 1963 – Квятковский А.П. Русский свободный стих // *Вопросы литературы*. 1963. № 12.
- Ковалевський 1965 – Ковалевський В. Рима // *Ритмічні засоби українського вірша*. Київ, 1965.
- Кормилов 1989 – Кормилов С.И. Новаторская структура свободного стиха А.А. Бло-

- ка // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1989. № 3.
- Орлицкий 1982 – Орлицкий Ю.Б. Свободный стих в русской советской поэзии 1960–1970 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Орлицкий 2002 – Орлицкий Ю.Б. Русский свободный стих, или верлибр // Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Поливанов 1963 – Поливанов Е. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. № 1.
- Прангишвили 1967 – Прангишвили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Пыльдяэ 1970 – Пыльдяэ Я. О типологии систем стихосложения // Тезисы докладов IV Летней школы по моделирующим системам. Тарту, 1970.

Сведения об авторе:

Олег Иванович Федотов
Московский институт открытого образования
o.fedotov@rambler.ru

- Тимофеев, Венгров 1963 – Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. 4-е изд. М., 1963.
- Узнадзе 1961а – Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 1961б – Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки // Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
- Узнадзе 2001 – Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001.
- Федотов 1981 – Федотов О.И. Фольклорные и литературные корни русского стиха. Владимир, 1981.
- Янакиев 1960 – Янакиев М. Българско стихознание. София, 1960.

О.И. Федотов

Information about the author:

Oleg I. Fedotov
Moscow institute of open education
o.fedotov@rambler.ru
Moscow / Russia

Український дільник: Колективна монографія / За ред. Н.В. Костенко. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. 432 с.

Коллективная монография «Украинский дильник» подготовлена на кафедре теории литературы, компаративистики и литературного творчества Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. В основу монографии легли материалы стиховедческого семинара, прошедшего в Киевском университете 31 мая 2011 г. Книга посвящена изучению на украинском материале дильника – одного из наиболее популярных тонических размеров европейской (в основном германской) поэзии, в XX в. активно осваиваемого восточнославянскими авторами.

В русской литературе дильник долгое время использовался лишь в переводах и стилизациях с тем или иным *couleur locale*; после отдельных оригинальных опытов у поздних романтиков середины XIX в. (Милькеев, Ап. Григорьев, Фет) он обретает право гражданства в русской поэзии у символистов, став как бы «визитной карточкой» этой школы (З. Гиппиус, Брюсов – которому, по-видимому, сам термин «дильник» и принадлежит, – и особенно Блок), активно использовался акмеистами, а с 1920-х гг. стал и в советской, и в эмигрантской поэзии столь же привычным метром, что и пять классических силлабо-тонических. Это, как неоднократно

отмечено в рецензируемой работе, метр, «переходный» между силлабо-тоникой и тоникой (с. 22). Между прочим, такая промежуточная позиция, вероятнее всего, способствовала популярности дильника, представленного в метрических репертуарах самых разных авторов: это общий знаменатель, на котором сходятся эксперимент и традиция. При усилении консерватизма в метрике дильник остается единственным «терпимым» тоническим размером, в контексте активного освоения авангардных форм стиха – напротив, едва ли не самым архаичным метром, отсылающим к старшей традиции, но все же достаточно нестрогим (например, белый дильник как компромиссный шаг на пути к верлибру). Научное исследование дильника («паузлика») в России начинается уже в эпоху символизма, а наиболее полное описание его истории и ритмических типов дано в работах М.Л. Гаспарова 1960–1970-х гг. Именно памяти Гаспарова посвящена рецензируемая книга¹. Разумеется, последним словом

¹ На с. 23 неправильно указана дата его смерти: должно быть не «7.10.2005», а 7 ноября 2005 г.